

Отзыв

официального оппонента Тutorsкого Андрея Владимировича о

диссертации Севастьянова Ивана Владимировича

«Этнокультурная идентичность кряшен в сравнительном контексте:

историко-этнографическое исследование

молькеевской и заказанской этнографических групп»,

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертационное исследование И.В. Севастьянова посвящено актуальной теме – идентичности и культурным особенностям кряшен. Эта тема каждый раз обостряется при проведении всероссийской переписи населения, хотя апогея споры о статусе этой группы достигали накануне переписи 2002 года. Тема является чрезвычайно политизированной, поскольку споры о статусе кряшенской культуры ведутся в первую очередь не внутри исторического или этнографического сообщества, а учеными, так или иначе аффилированными со властными структурами, как на федеральном уровне, так и на уровне Республики Татарстан.

При этом диссертант выбирает очень правильный подход к работе с темой: он демонстрирует на примере двух групп – молькеевской и заказанской – отличия в праздничной культуре, стереотипных представлениях о соседних народах, устоявшихся исторических представлениях и отношении к термину «кряшены». На протяжении всего текста диссертации он проводит аналогии с нагайбаками – еще одной этнической группой, проживающей на территории Челябинской области и сходной по многим параметрам с кряшенами. В результате читатель получает стереоскопический взгляд на проблему, а автор делает непредвзятые выводы.

Основой подхода к данной проблеме И. В. Севастьянов предлагает считать принцип историзма. На мой взгляд, это чрезвычайно удачный выбор. Несмотря на то, что отечественная этнографическая наука на протяжении как

минимум XX века развивалась как вспомогательная историческая дисциплина, очень часто историзм в исследованиях подменялся псевдоисторизмом: развитие культуры до Октябрьской революции 1917 года практически игнорировалось, а нововведения и изменения на протяжении XX столетия именовались «новым бытом» и представлялись практически одномоментными. Автор диссертационного исследования весьма подробно прослеживает эволюцию религиозности и деятельности христианских организаций в Поволжье с XVI по XXI век, выделяет тренды развития кряшенской культуры в среднесрочной – на протяжении полутора–двух веков – перспективе (по выражению известного французского историка Ф. Броделя – «история структур»), демонстрирует пластичность идентичности и ее историко-политическую обусловленность. Диссертационное исследование после переработки в публикацию может стать в один ряд с историко-этнографическими работами М.В. Витова, Г.Г. Громова и С.П. Полякова.

Тезисы автора, выносимые на защиту, четко сформулированы, доказаны в тексте многочисленными примерами и согласуются с итоговыми выводами.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, глоссария и библиографического списка. Можно приветствовать наличие глоссария, который редко встречается в современных работах. Желательно при переработке диссертации в монографию добавить к терминам указатель их встречаемости в тексте. Также не помешает работе дополнительное приложение в виде карты исследуемого региона с указанием этнического состава его жителей.

В первой главе проводится история исследования вопроса и обоснование предмета исследования. Автор приводит многочисленные публикации начиная с середины XIX века и заканчивая работами начала XXI столетия. В разделе источники им дается разбор преимущественно опубликованных текстов, посвященных исследуемой проблематике. Однако используется достаточно широкий спектр различных письменных источников: это сообщения в периодических изданиях XIX века, этнографические

описания от первого лица образованных кряшен (можно сказать, примеры «эмной автоэтнографии»), дневниковые записи, публицистические заметки кряшенских активистов начала XX века, стихотворения кряшенских поэтов, тексты эпистолярного жанра (переписка кряшен и Н.И. Ильминского), этнографические сочинения начала 1920-х годов, написанные слушателями кряшенских педагогических курсов, государственные документы 1990-х годов, а также ресурсы в сети Интернет. Глава завершается выводами и уточнением объекта исследования.

Вторая глава посвящена истории формирования кряшенской идентичности. И.В. Севастьянов выделяет четыре этапа ее развития. Первый – это XVI-XVIII века, связанный со сменой государственного подчинения Поволжья, превращения православия в официальную религию, а ислама во второстепенную. Второй – с середины XVIII до середины XIX века. В этот период создается новая миссия христианского просвещения народов Поволжья, начинается принудительное обращение жителей Поволжья в православную веру, которое выливается в поддержку местными народами восстания Е.И. Пугачева и упразднением миссии. Третий этап – вторая половина XIX – начало XX века – связан с деятельностью братства Св. Гурия и переводов православных текстов на татарский язык. Именно на этом этапе, по мнению автора, происходит становление самосознания молькеевской группы кряшен. Четвертый этап связан с установлением Советской власти и процессами национального самоопределения в Поволжье в 1920-е годы. Именно на это время приходится пик свободы в выборе путей развития, в документах того времени даже используются слова «нация кряшен». Пятый этап связан начинается в 1930-е годы и длится до 1990-х годов. В это время кряшен на государственном уровне признают субэтносом татарского народа. Наконец, последний – шестой этап – развитие кряшенской культуры и ее политическое оформление в постсоветские годы. В заключении диссертант указывает на основные факторы, определявшие идентичность кряшен в различные периоды.

Третья глава посвящена описанию этнографических особенностей кряшен обеих исследуемых групп на современном этапе. В первом разделе детально анализируются результаты этносоциологического опроса, проведенного автором в 2006 году и охватившего 177 жителей Пестречинского и Кайбицкого районов Республики Татарстан. Кроме того, приводятся данные углубленных интервью и непосредственных полевых наблюдений. Автор вступает в полемику с О.Е. Казьминой, сравнивая данные ее полевых наблюдений в 2001 году (автор диссертации также принимал участие в этой экспедиции) в группе кряшен Нижнекамского района с полевыми материалами по кряшам Пестречинского и Кайбицкого районов. И.В. Севастьянов указывает на разный характер связи идентичности с православным вероисповеданием, а также на максимальную «воцерковленность» и «пророссийскость» кряшен Нижнекамского района.

В заключении автор предлагает отказаться от дихотомии самостоятельный этнос / этническая группа и указывает на различную таксономическую, а также качественную неоднородность различных групп кряшен. Он указывает, что приверженность православию тем не менее по-разному результируется у разных групп кряшен в этническую идентичность: примёшенские кряшены больше склонны называть себя отдельным народом, а молькеевские имеют более выраженную субэтническую или двухуровневую идентичность.

Поскольку жанр отзыва научного оппонента предполагает высказывание замечаний, то мне хотелось бы указать на некоторые недостатки представленной работы, а также высказать альтернативное мнение по нескольким вопросам.

Во-первых, автор указывает, что полевые материалы «послужили основным источником для написания диссертации» (С. 12), вместе с тем в тексте не приводится описания этого исследования. В параграфе «Методы исследования» указываются деревни, в которых проводились исследования, однако не указывается их характер (включенное наблюдение, интервью или

анкетирование), а также год проведения исследований. Первоначально создается впечатление, что анкетирование и интервьюирование производилось около 2001 года, тогда же, когда состоялась подробно описанная автором экспедиция кафедры этнологии МГУ. Только в выводах к третьей главе читатель узнает, что анкетирование производилось в 2005-2006 годах (С. 192). Кроме того, до самого конца текста приходится по крупицам выуживать из ссылок информацию о полевой работе автора: в поле он провел с небольшими перерывами летние сезоны с 2001 по 2016 годы. Безусловно, описание самих полевых исследований может придать большую убедительность тексту, поможет читателю лучше понять логику рассуждений автора, и наконец, последовательное и детальное описание исследования является квалификационным требованием при написании диссертации.

Во-вторых, несколько удивляет скромность автора в выборе теоретической литературы. В соответствующей главе – Глава 1.3 «Вопросы этнокультурной идентичности кряшен в свете этнологической теории» – автор подробно разбирает работы С.М. Широкогорова, Ю.В. Бромлея и Ю.И. Семенова. Однако, когда дело доходит до выводов, то в качестве авторитетов, идеи которых подтверждает автор, и чью терминологию он использует, мы видим Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, Р. Брубейкера и Ф. Барта. На мой взгляд, следовало бы представить в третьем разделе первой главы идеи всех авторов, которые в той или иной степени используются в качестве частей, для того, чтобы сложить воедино этническую мозаику кряшенской культуры.

В-третьих, чрезвычайно интересной линией рассуждения, которая, к сожалению, никак не проявляется в выводах – стало указание на наличие многочисленных групп кряшен, а также сравнение их с этнокультурными группами, входящими в состав алтайцев и хакасов, а также этнокультурными группами, проживающими на территории Косова и Метохии. Мне кажется, для итоговых выводов очень важно понимать, что подобные группы могут иметь не двухуровневую, в многоуровневую иерархическую структуру. Например, в 1901 году, когда готовился акт о предоставлении независимости

Австралии и Новой Зеландии от Великобритании обсуждалось три проекта: а) предоставление независимости австралийским и новозеландским колониям независимости в рамках одного крупного южного государства, б) предоставление независимости отдельно Австралии и Новой Зеландии и в) предоставление независимости всем штатам по-отдельности. Мы сейчас не сомневаемся в различиях между англо-австралийцами и англо-новозеландцами, рассуждая лишь о степени сформированности их идентичности. Но в случае победы третьего варианта, нам пришлось бы говорить отдельно о «ново-западноавстралийцах», «квинслендцах», «юго-новозеландцах» и «северо-новозеландцах». При том, что до 1901 года они были гражданами единого имперского государства и для них большее значение имели идентичность страны или региона происхождения. Возвращаясь в свете этого примера к рассуждениям о судьбах кряшен, можно усомниться в том, что взгляд на нагайбаков как часть кряшенской общности не актуален (С. 30), а также интересно узнать другие новые постперестроечные общекряшенские культурные практики, помимо праздника Питрау (С. 146).

В-четвертых, хочется немного реабилитировать «конструктивистский подход» к этничности. В нашей стране он распространен в несколько упрощенной форме, где предполагается, что государственная и этническая элита конструируют культурные особенности. Часто создается ощущение, что эти особенности придумываются, а положения подхода плохо коррелируют с «этнографической реальностью». Однако если мы вернемся к идее диссертанта о том, что этническая идентичность – это процесс со своими исторически обусловленными трендами, то станет понятно, что формирование (эволюция) этой идентичности продолжается и сейчас. А разные формы этнической идентичности у разных групп кряшен могут быть формами поиска одной – наиболее удобной в существующих условиях. В этом случае «конструкторами» станут не только политические элиты, но и все участники этих празднований, а также ученых проводящие подобные параллели.

В-пятых, отмечу некоторое количество формальных ошибок, которые, впрочем, немногочисленны. Так автор, использует несколько вариантов ссылок на полевые материалы (например, на С. 57 и С. 187), хотя ссылочный аппарат должен быть унифицированным. Автор ближе к концу текста позволяет использование разговорных оборотов, например, «по всей очевидности» (С. 182). Наконец, изредка встречаются грамматические ошибки, хотя и чрезвычайно малом количестве.

Все представленные замечания легко исправимы и могут стать путями для переработки диссертации в монографию. Представляется, что автор продемонстрировал способность самостоятельно ставить и решать научные задачи, вести многолетнюю полевую и библиотечную исследовательскую работу. Результаты почти двадцатилетнего труда диссертанта представлены в научных публикациях, а содержание диссертации полно и отчетливо представлено в автореферате.

В соответствии с пунктом 9 Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней, рецензируемая работа – диссертационное исследование Ивана Владимировича Севастьянова «Этнокультурная идентичность кряшен в сравнительном контексте: историко-этнографическое исследование молькеевской и заказанской этнографических групп» соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а ее автор заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.07 – этнография, этнология и антропология».

Официальный оппонент:

Туторский Андрей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент

кафедры этнологии исторического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Подпись
завещаю

